

И.В. Гладкова

Г.И. ЧЕЛПАНОВ И Г.Г. ШПЕТ: ДИСКУРС ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Гладкова
Ирина Витальевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии УрГУ, член-корреспондент МАДИ

E-mail:
qwelqwe11@yandex.ru

В научной среде понятие «учитель» перерастает границы общепринятого значения. Здесь важно не просто передать знания, воспитать ученика, но сформировать ученого самобытно и оригинально мыслящего; не подавить авторитетом, не уподобить себе, вырастив прямого последователя, а создать «питательную» среду для свободного развития творческой индивидуальности.

Таким *учителем* был Георгий Иванович Челпанов (1863-1936) – талантливый русский философ, психолог, логик, профессор Московского университета. В числе его учеников блестящая плеяда философов и психологов, прославивших русскую науку: Н. Бердяев, П. Блонский, С. Булгаков, В. Зеньковский, А. Лосев, Н. Рыбников, Л. Шестов, А. Щербина, Г. Шпет и другие. Каждому из них Г. Челпанов дал возможность выбрать самостоятельный путь в науке, найти свою тему. Он инициировал подходы к анализу философских проблем, дававшие возможность формирования и развития различных взглядов и убеждений. И в этом большая заслуга Челпанова – он создавал научную среду как необходимое условие развития науки.

Отношения с некоторыми из учеников порой перерастали у Челпанова из академических в глубоко личные, человеческие привязанности. Среди этих людей, безусловно, можно назвать Г.Г. Шпета, в формировании научных взглядов и мировоззрения которого, как всякого большого ученого, сыграли значительную роль многие общественные и научные деятели, его учителя.

Георгий Иванович Челпанов – один из первых учителей Шпета. Его влияние, поддержка и участие определили то особое место, которое он занимал в жизни Густава Густавовича. Судьбы этих людей многократно пересекались на протяжении нескольких десятилетий: и в периоды научных взлетов, и в самые трагические минуты жизни.

Первая встреча молодого профессора философии и студента историко-филологического факультета произошла в 1898 году в Киевском университете имени св. Владимира. С 1897 в этом университете начал свою работу организованный Челпановым «психологический семинарий», участие в котором вызывало огромный интерес среди студентов. В.В. Зеньковский так вспоминал об этом времени: «В киевский период деятельности Челпанов выделился исключительным педагогическим талантом – в публичных лекциях, происходивших во всегда переполненном актовом зале университета, в организации замечательного философского семинара, наконец, в организации психологической лаборатории» (Зеньковский В.В. История русской философии. Т.2., ч.1. Л., 1991. С. 244.).

На заседаниях семинария обсуждались философско-психологические проблемы, а также заслушивались рефераты, доклады и кандидатские сочинения, например, «Учение Канта о вещи в себе» А. Щербины, «Учение Беркли» П. Блонского, «Учение Юма о причинности» Г. Шпета. Впоследствии, в 1907 году, этот доклад Шпета оформился в монографию «Проблема причинности у Юма и Канта». Значение челпановских семинаров в научной биографии Г.Г. Шпета отмечают многие исследователи его творчества. Так, М.К. Поливанов пишет: «В семинаре Челпанова Шпет сформировался как философ. Из этого семинара родились его первые опубликованные сочинения («Ответил ли Кант на сомнения Юма» и «Память в экспериментальной психологии»), написанные еще в студенческие годы» (Поливанов М. К. О судьбе Г.Г. Шпета // Вопросы философии. 1990. №6. С.160).

В семинарах Челпанова зарождается интерес Шпета к истории философии, психологии, логике,

происходит первое знакомство с феноменологией. Это те основные направления, в русле которых сформируются научные интересы мыслителя и будут созданы наиболее значительные его труды.

Вдохновителем первых публикаций Г. Шпета в научных изданиях также становится Г. Челпанов. Под его редакцией с 1904 года в Киеве выходит журнал «Философские исследования, обзоры и проч.», издававшийся как «Труды Психологической семинарии при университете св. Владимира». В журнале помещались крупные рефераты студентов, а также кандидатские сочинения, в том числе упоминаемая работа Шпета «Учение Юма о причинности». В 1903 в журнале «Вопросы философии и психологии» публикуется рецензия Шпета на книгу Челпанова «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе» (1900). Г. Шпет высоко оценивает значение книги, «рекомендуемой для образования и для широкой публики», отмечает доступность и убедительную доказательность изложения Челпановым взглядов по психофизической проблеме: «Среди немногих прочно установленных фактов современной психологии нужно считать факт психофизического параллелизма... факт параллелизма психических и физических (физиологических) явлений неоспорим; это уже не гипотеза, а эмпирически установленный факт» (Шпет Г.Г. Профессор Г. Челпанов. Мозг и душа // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 3 (69). С. 876).

В 1907 году Шпет едет в Москву вместе с приглашенным в Московский университет Г. Челпановым. Затем были годы плодотворной совместной работы, в том числе и во вновь созданном Челпановым психологическом семинарии уже при Московском университете, и на Высших Женских курсах. Научная командировка Шпета в Геттинген (1910), посещение лекций Э. Гуссерля и интерес к феноменологии – все это очень приветствовалось и поддерживалось Челпановым.

Из письма Челпанова к Шпету: «Меня очень радует Ваше сближение с Гуссерлем. Если бы то, что ... Вы усвоили, получило выражение в диссертации, то это было бы превосходно. Точка зрения

новая и интересная!» (цит. по: И.М. Чубаров. Шпет в Геттингене // Логос. 1992. № 3. С. 249.).

1910–е гг. были сложным периодом в истории России: в общественной жизни – это предреволюционная ситуация, а в культурной – это период расцвета, связанный с духовным подъемом, интересными художественными поисками в литературе, театральном искусстве, живописи. В научной жизни страны – это период активной работы философских, психологических, педагогических обществ, проведения научных съездов, реорганизаций в системе образования. Идея создания «специального» психологического института была сформулирована Челпановым в докладе «Современная индивидуальная психология и ее практическое значение». Ученый видел будущий институт как научно-образовательное учреждение качественно

нового уровня, обеспечивающее новые организационные формы работы психологов. «Институт нужен для существования самой психологии как науки. Институт нужен для удержания внутреннего единства психологии», – утверждал Челпанов. В этой убежденности его поддерживал Г. Шпет.

В период подготовки проекта и организации Психологического института они отправляются в Германию (1910) для ознакомления с крупнейшими университетскими лабораториями Берлина, Бонна, Вюрцбурга. В первом выпуске журнала «Психологические исследования» (1914), излагая историю создания Психологического института, Челпанов отмечает: «Летом того же (1910) года я поехал вместе с приват-доцентом Московского Университета Г.Г. Шпетом для осмотра самых обширных лабораторий немецких университетов...» (Г. Челпанов. Психологический институт при Московском Университете // Психологические исследования. Т. I. Вып. 1-2. С. 275). Там состоялось подробное знакомство с организацией занятий в берлинской лаборатории проф. К. Штумпфа, была осмотрена боннская лаборатория проф. О. Кюльпе и большая лаборатория Вюрцбургского университета проф. К. Бюлера, состоялось обсуждение проекта психологического института с проф. В. Вундтом. Этот опыт будет использован

Г.Г. Шпетом при учреждении Кабинета этнической и социальной психологии, который он возглавил в 1920 году.

Челпанов высоко ценил широчайшую эрудицию и несомненный педагогический дар Шпета, поэтому всегда стремился обеспечить ему возможность передавать накопленные знания новым поколениям ученых. В письме Г. Челпанова к Шпету от 30 ноября 1912 года читаем: «У меня явилась надежда, что Вы возьметесь читать этот курс (философии и методологии истории); он для Вас подходящ; а если Вам можно будет передать еще курс пропедевтической логики, то откроется возможность навсегда устроиться в Москве».

Самый тяжелый период жизни Челпанова связан с увольнением из созданного им института (1923). Челпанов очень тяжело перенес отставку, находился, по его собственным словам, в состоянии депрессии, глубоко переживал вынужденное бездействие и предательство учеников. В это время Г. Шпет приглашает своего учителя в Государственную академию художественных наук (ГАХН), основателем и фактическим руководителем которой он являлся, тем самым он продляет ученому не только его научную жизнь.

В Академии художественных наук Челпанов был председателем комиссии по изучению восприятия пространства и художественного творчества. Результаты исследований он предоставлял в докладах: «Понятие творчества и роль подсознания в творчестве», «Психологическое объяснение простых форм», «Психофизическое объяснение эстетического удовольствия» и др. До начала 30-х годов Челпанов вел активную научно-исследовательскую, просветительскую и организаторскую деятельность. В этом он видел призвание и смысл своей жизни. Значение духовных приоритетов в построении научных теорий, идея взаимосвязи наук в изучении человека, беззаветная преданность идеалам науки – все это сближало Челпанова и Шпета на протяжении многих лет.

Переписка Г. Челпанова и Г. Шпета свидетельствует о том, что это были близкие люди, обсуждавшие не только научные темы, но и глубоко личные вопросы. Даже трагизм их судеб: предательство ученика и полное забвение – у одного, и политические репрессии и физическое уничтожение – у другого, вписывает имена этих ученых в одну драматическую страницу истории русской науки.

С.М. Зубарев

СМЕРТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Зубарев
Сергей
Михайлович

консультант инсти-
тута управления и
предпринимательс-
тва УрГУ

E-mail:
zubr@usp.ru

Ключевые слова: обида, страх, ярость, гнев, зависть, ревность, горе, стыд, вина, любовь.

FATAL FEELING

Zubarev S.M. Consultant for the institute of Management and Business at Ural State University. E-mail: zubr@usp.ru

The article deals with destructive aspects of offence functioning outside mother/children symbiosis.

Key words: offence, fear, fury, anger, envy, jealousy, grief, shame, guilt, love

В статье рассматриваются деструктивные аспекты обиды, функционирующей вне материнско-детского симбиоза.

Далеко не каждое чувство может характеризоваться эпитетом: смертельное.

Страх, ужас – да. Это понятно, он предупреждает именно о смертельной опасности. То, что опасность